

охватывает не только устоявшиеся представления о портрете в литературе, но и те категории поэтики, которые традиционно призваны формировать специфику портрета в творчестве того или иного автора (жанр, точки зрения, тропы и т. д.). Очевидно, что предлагаемые теорией литературы ориентиры (понятие «портрет», его функции, типология и т. д.) могут быть применимы к творчеству Платонова лишь условно.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Галасьева Г.В. Портрет и мир природы в советской прозе 1920-х годов // Портрет в художественной прозе: межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1987. С. 90–101.
3. Литературная энциклопедия: в 11 т. М., 1929–1939 // Федеральная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor>.
4. Мартынова С.А. Формы поведения // Теория литературы: учебник / В.Е. Хализев. М.: Высш. шк., 2002. С. 221–230.
5. Михеев М. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
6. Платонов А.П. Чевенгур: роман / сост., вступ. ст., коммент. Е.А. Яблокова. М.: Высш. шк., 1991.
7. Ристер В. Имя персонажа у А. Платонова // Russian literature (Amsterdam). 1988. V. 23. № 2. P. 133–146.
8. Спиридонова И.А. Портрет в художественном мире Платонова // Русская литература. СПб., 1997. № 1. С. 170–183.
9. Сырица Г.С. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2005.
10. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник. М.: Высш. шк., 2002.

The issue of portrait characteristics in the prose of A. Platonov

There are analyzed the peculiarities of portrait painting in Andrey Platonov's prose. The issue of the author's methods of personages' appearance portraying is considered in the context of general theoretical and methodological issues of portrait study in literature.

Key words: *Andrey Platonov, portrait in literature, portrait of a personage.*

И.С. УРЮПИН
(Елец)

«КИТАЙСКАЯ» ТЕМА В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА: К ВОПРОСУ ОБ ИНОКУЛЬТУРНОЙ СТИХИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-х гг.

Исследуется инокультурная стихия в русской литературе 1920-х гг. В широком историко-культурном контексте рассматривается «китайская» тема в творчестве М.А. Булгакова, анализируются образы китайцев, их идейно-художественная сущность.

Ключевые слова: *М.А. Булгаков, образная система, инокультурная стихия, китайский (китаец), ментальность.*

В 1920-е гг. в отечественное искусство стремительно врывается *инокультурная стихия*, идущая с Востока, ассоциирующаяся с необузданной энергией «варварского» мира, попирающего одряхлевшую европейскую цивилизацию. В сознании интеллигенции демократического лагеря утверждается мысль об азиатской природе русской революции, восходящая к прозрениям В.С. Соловьева и умозрениям Р.В. Иванова-Разумника. М. Горький одним из первых увидел в большевиках «новых варваров», поколебавших Русь «в основе всех основ ее – азиатской косности, восточном пассивизме» [5, с. 25], пробудивших в народе веками дремавший дух степной волиницы. На смену «цивилизованным людям», «потерявшим культурную цельность», утверждал А.А. Блок, пришли «более свежие варварские массы», которые стали «бессознательными хранителями культуры» [2, т. V, с. 458]. Эти «варварские массы» напомнили поэту древних скифов «с раскосыми и жадными очами» (Там же, т. III, с. 244), готовых бросить вызов самодовольной Европе и обернуться к ней «своею азиатской рожей» (Там же, с. 246): *Вы сотни лет глядели на Восток, / Копя и плава наши перлы, / И вы, глумясь, считали только срок, / Когда настать пушек жерла!* (Там же, с. 244).

Мятежный скифский дух получает художественное воплощение в творчестве В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, М.И. Цветаевой, М.М. Пришвина, В.Г. Яна, становится «манифестом» литературной группы «Скифы» (1917–1918 гг.), объединившей А.А. Блока, А. Белого, С.А. Клычкова, А.П. Чапыгина,

О.Д. Форш и др. Е.И. Замятин, сочувствовавший «скифам» и печатавшийся в их альманахе, в статье «Скифы ли?» (1918) прямо называл «подлинного скифа» «духовным революционером», одержимым «любовью к подлинной вечно-буйной воле» [7, с. 33, 25]. В творческом сознании Замятина скиф, «вечный кочевник», «дикий всадник с вьющимися волосами», абсолютизирующий волю, боготворящий «широкую степь» (Там же, с. 25), является ёмким смыслообразом, к которому восходит и вождь гуннов Атилла – герой разножанровой дилогии писателя об эпохе великого переселения народов («Бич Божий» и «Атилла»). Однако гунны, по мнению Н.Н. Комлик, доказавшей влияние на историческое воззрение Замятина Д.И. Иловайского, последовательного защитника «роксоланской» теории «происхождения русской национальности», генетически связаны с «россо-аланами, еще до Рождества Христова “обитавшими в степях между Днепром и Доном и по берегам Меотийского озера” (Азовского моря)» [10, с. 90], которые, в свою очередь, принадлежали к скифо-сарматским племенам. На это указывал Л.Н. Гумилев, размышляя об этническом единстве народов равнинного Кавказа, скифов и гуннов: «В первые века н. э. Северный Кавказ населяли сармато-аланы, но они постепенно уступали ведущее положение хазарам, тюркам и савирам. Последних причисляют к гуннскому кругу этносов» [6, с. 74], сформировавшемуся в Северо-Восточной и Центральной Азии. «Гунны долгое время жили бок о бок с китайцами и восприняли многое из их цивилизации, поэтому, когда в середине I в. н. э. они перешли Великую Китайскую стену и поселились в пределах империи, племенная знать гуннов слилась с китайской и даже сменила свои родовые имена на китайские. Местом поселения гуннов на китайской территории стал Ордосский край, т. е. часть позднейшей Внутренней Монголии, а также часть нынешней провинции Шаньси» [4, т. VII, с. 17].

Китай как прародина гуннов – скифов – сармато-аланов – роксоланов (россо-аланов) в мифопоэтических воззрениях славян издревле выступал символом Востока. «Отсюда название старинного торгового квартала Москвы *Китай-город*», впервые упоминающееся в Воскресенской летописи под 1534 г. [16, т. II, с. 241]. В романе Б.А. Пильняка «Голый год» «образ “Китай-города”, продолжающий “скифскую” символику», становится, по замечанию Л.А. Трубиной, «метафорой “восточного” начала русской судьбы» [9, т. I, с. 279]

и ассоциируется с иррациональным буйством народа-революционера, выползающего «из подворий, из подворотен» Зарядья [13, с. 160]. Этот народ – «Китай без котелка. Небесная империя, что лежит где-то на востоке за Великой Каменной стеной и смотрит на мир раскосыми глазами, похожими на пуговицы русских солдатских шинелей» (Там же).

Раскосые глаза *панмонголизма* внушали ужас В.С. Соловьеву, предчувствовавшему в конце XIX в. грандиозную революцию, которая назревала в недрах Восточной Азии и должна была в обозримом будущем взорвать существующий миропорядок. Представляя возможный сценарий развития военно-политических событий в XX в., философ опасался экспансии Китая и Японии на Запад: «...мы скоро не только изгоним белых дьяволов из нашей Азии, – самодовольно заявляли осознавшие свою силу “монголы”, – но завоюем и их собственные страны и оснуем настоящее Среднее царство надо всею вселенною» [14, с. 460].

России первой, как указывал в своем манускрипте автор «Краткой повести об Антихристе», суждено принять удар «великих монголов»: их вождь – богдыхан, «по матери китаец, соединявший в себе китайскую хитрость и упругость с японскою энергией, подвижностью и предприимчивостью, мобилизует в китайском Туркестане четырехмиллионную армию <...> вторгается в нашу Среднюю Азию и, поднявши здесь все население, быстро двигается через Урал и наводняет своими полками всю Восточную и Центральную Россию» (Там же, с. 461).

Иррационально-стихийный Китай со своим бесчисленным «пролетаризированным» народом представлял реальную угрозу буржуазной европейской цивилизации. «После поражения России в войне с Японией власти и общественность не в шутку встревожились, как бы наплыв китайцев не привел к потере контроля над дальневосточными окраинами империи» [11, с. 67], подвергшимися небывалому нашествию люмпенизированных выходцев из Поднебесной, бывших бессознательными революционерами.

Бессознательная (неосознанная) революционность китайских иммигрантов после октябрьских событий 1917 г. в России обернулась революционностью «без сознательной» (бездумно-жесточкой и бессмысленной). Это очень хорошо почувствовал М.А. Булгаков, показавший в рассказе «Китайская история» (1923) трагедию «настоящего шафранно-

го представителя Небесной империи» [3, т. I, с. 449], ставшего в большевистской Москве орудием Революции и ее жертвой. «Замечательный ходя <...> пролетел, как сухой листик, несколько тысяч верст и оказался на берегу реки под изгрызенной зубчатой стеной» (Там же), вдохновленный лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» из «Манифеста коммунистической партии», о котором, впрочем, не имел ни малейшего понятия, зная только лишь то, что «Ленин – есть. Самый главный очень есть. Буржуи – нет, о, нет! Зато Красная Армия есть. Много – есть. Музыка? Да, да. Музыка, потому что Ленин. В башне с часами – сиди, сиди. За башней? За башней – Красная Армия» (Там же, с. 452).

Вступив в ряды Красной Армии, вольноопределяющийся китаец с самозабвением исполнял воинскую службу, безжалостно уничтожал классовых врагов и заслужил от «пушистого» командира слова благодарности: «Как есть пулеметчик Сен-Зин-По железного полка гордость и виртуоз...». В своем виртуозном «искусстве» убивать «чертова китаёза», хорошо осознававший, что «явился в мир, чтобы стрелять из пулемета», он достиг очевидного нравственного предела: сам был убит «гигантским медно-красным юнкером», который «ударил его, тяжело размахнувшись штыком, в горло, так, что перебил ему позвоночный столб» (Там же, с. 456, 455, 458).

Героическая смерть «китайского камрада», осветившая ореолом мученичества идею революционного фанатизма («Никакая боль не может проникнуть в него. И ходя безбольный и спокойный, с примерзшей к лицу улыбкой, не слышал, как юнкера кололи его штыками» (Там же, с. 458)), нередко воссоздается в советской литературе 1920-х гг. и получает символическое значение. Так, в повести Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» (1921) страстный революционер-китаец, самозабвенно преданный большевикам, ни минуты не колеблясь, решает расстаться с жизнью, чтобы остановить вражеский бронепоезд: «Син Бин-у вынул револьвер, не поднимая головы, махнул рукой, будто желая кинуть в кусты, и вдруг выстрелил себе в затылок. Тело китайца тесно прижалось к рельсам» [8, т. I, с. 656]. «Жалко мне китайца-то!» – вздохнул Васька Окорок. – «А думаю, в рай он уйдет – за крестьянскую веру пострадал»» (Там же, с. 674).

Революционный радикализм китайских бойцов Красной Армии, принимавший своеобразную форму жертвенного протеста, в точности воспроизвели и Булгаков, и Иванов, отразив особое мироощущение наро-

дов Китая, в котором ярко проявилось специфически буддистское отношение к борьбе за идеал, не допускающее какой бы то ни было внешней агрессии, зато поощряющее агрессию внутреннюю, т.е. самоубийство. Последнее, как считал Н.С. Трубецкой, было «следствием полной утраты чувства своей индивидуальности и своих личных желаний: при таком психическом состоянии человеку ничего не стоит жертвовать собою для ближнего» [15, с. 138]. Неудивительно, что «состязательно-силовой тип разрешения конфликта, в том числе морально-этического, доминирующий в русской культуре, по существу противоположен примирительно-пассивному в традиционной культуре Китая» [12, с. 30]. В ней, по замечанию О.А. Нестеровой, на протяжении веков формировалась «модель разрешения морально-нравственного конфликта <...> “вызов – самоубийство”, принципиально противостоящая модели “вызов – поединок”», характерной для европейской культуры и «предполагающей более или менее широкую публичность и активность действия, вынесение ситуации из сферы межличностных отношений и внутриличностных переживаний в сферу социальную» (Там же).

Справедливость этого наблюдения подтверждается многочисленными примерами из произведений Булгакова «китайской» темы. В пьесе «Зойкина квартира», посвященной разоблачению нравов нэпмановской Москвы, в частности, представлен бытовой конфликт двух китайцев, влюбленных в русскую девушку Манюшку, в разрешении которого драматург учитывал особенности национальной китайской психологии и ментальности. Так, молодой китаец по прозвищу Херувим (его настоящее имя, кстати, Сен-Дзин-По [3, т. III, с. 128] почти полностью совпадает с именем героя «Китайской истории» ходи Сен-Зин-По), угрожая своему сопернику Газолину (Ган-Дзалину), и сам готов расстаться с жизнью (его фраза «Я тебе на волотах повесусь!» принципиально многозначна и при лишении ее неповторимого китайского акцента может быть понята двояко: «я у тебя на воротах повешусь» / «я тебя на воротах повешу»). Более того, в комедии обыгрывается и коллизия «вызов – поединок»: оба китайца претендуют на руку и сердце Зойкиной горничной: «Газолин. ... Я предложение буду делать Манюшке! Херувим. Я уже делал. Она моя жена. Со мною зивет. Газолин. Врешь, со мною зивет» (Там же, с. 126). Но в ходе развития сюжета прямой поединок между Газолином и

Херувимом оказывается расстроен милицией («Манюшка. Зайчики, миленькие! Только не режьтесь, дьяволы!»): Херувим и Газолин «шипят», а затем один из них «бросается в зеркальный шкаф», а другой «закрывает шкаф на ключ» [3, т. III, с. 126]. Обворовав хозяйку пошивочной мастерской и убив ее любовника («Гуся резал»), Херувим вместе с Манюшкой навсегда покидают Зойкину квартиру в надежде обрести свое авантюрное счастье («Я тебе беру Санхай»; «Мы с тобой дело имеем Санхай. Опиум торговать будем. Весело. Ты будешь родить ребенки китайски мало-мало, много ребенки, сесть, восемь, десять») (Там же, с. 125)).

Образ китайца-авантюриста, занесенного в Россию «разящим ветром» революции, запечатлел и И.Э. Бабель в рассказе «Ходя» (1923). В самом его названии автор указал распространенный в литературе 1920-х гг. тип героя-скальщика – беженца, отправляющегося на чужбину в поисках лучшей доли (к этому типу в полной мере относится и ходя Сен-Зин-По из булгаковской «Китайской истории»). Бабелевский ходя, как и Херувим из «Зойкиной квартиры», мечтает о русской девушке, но в холодном ночном Петербурге, пейзаж которого представляет собой развернутую реминисценцию стихотворения А.А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» («Никого на Невском. Чернильные пузыри лопаются в небе. Два часа ночи. Конец. Неумолимая ночь»; «Багровые аптеки стынут на углах»; «Мороз взял аптеку за фиолетовое сердце» [1, т. I, с. 104]), он находит гулящую «стерфь» Глафиру – искаженный и обезображенный идеал Прекрасной Дамы. При этом ходя хорошо осознает, что его счастье так же призрачно, как петербургская ночь, отсюда его невозмутимое спокойствие и поразительная отрешенность от суеты: «О, мудрая важность Востока!» [1, т. I, с. 105].

Восток с его иррациональным миропостижением, стихийно-аффективной экзальтированностью всегда привлекал русских писателей, но в первой трети XX в. вызывал особый интерес еще и потому, что сама русская жизнь проявила свою восточную ипостась, азиатски-степной дух, ставший катализатором революции. Булгаков, откликаясь на умонастроения евразийцев (не всегда, впрочем, полностью солидаризируясь с ними), запечатлел многоликий, пестрый Восток, неразрывно связанный с исторической судьбой России, ее «ордынской» огненной кровью, попытался проникнуть в экзотическую для европейца ментально-психологическую глубину азиатской культуры (будь то культура Кавказа

или Китая), чтобы осмыслить ее богатейший нравственный потенциал.

Литература

1. Бабель И.Э. Собрание сочинений : в 2 т. М. : Альд; Литература, 2002.
2. Блок А.А. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Правда, 1971.
3. Булгаков М.А. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Худож. лит., 1989–1990.
4. Всемирная история : в 24 т. Минск : Литература, 1996–1997.
5. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М. : Худож. лит., 2000.
6. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М. : Эксмо, 2008.
7. Замятин Е.И. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М. : Наследие, 1999.
8. Иванов Вс. Собрание сочинений : в 8 т. М. : ГИХЛ, 1958.
9. История русской литературы XX века : в 4 кн. / под ред. Л.Ф. Алексеевой. М. : Высш. шк., 2005.
10. Комлик Н.Н. Творческое наследие Е.И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры : моногр. Елец : ЕГПИ, 2000.
11. Ларин А. Желтый вопрос // Родина. 1999. №1. С. 66–71.
12. Нестерова О.А. Современные коммуникативные практики в пространстве российско-китайского межкультурного взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2010.
13. Пильняк Б.А. Романы. М. : Современник, 1990.
14. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». СПб. : Худож. лит., 1994.
15. Трубецкой Н.С. Религии Индии и христианство // Лит. учеба. 1991. Кн. 6. С. 131–144.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986–1987.

Chinese theme in the creative work of M.A. Bulgakov: considering the issue of foreign culture elements in the Russian literature of 1920s

There are researched the foreign culture elements in the Russian literature of 1920s. In the wide historical and cultural context there is regarded the "Chinese" theme in the creative work of M.A. Bulgakov, analyzed the image of the Chinese, their ideological and artistic essence.

Key words: *M.A. Bulgakov, figurative system, foreign culture elements, Chinese (the Chinese), mentality.*